

В небеса взмыл огромный белый проклятый дух, похожий на извивающегося дракона. На его широкой голове высились два силуэта. Как только Завеса лопнула, они с тревогой взгляделись в происходящее внизу.

— Харе, берегись! Убирайся оттуда!

Попадание его «Синего» — не шутка. Из-за спешки Сатору не успел прихватить с собой Сёко, и если Харе зацепит, подлечить его на месте не удастся.

Годжо кричал, стоя во весь рост на спине Радужного дракона. Рядом с ним замер Гето Сугуру. Его лицо окаменело, а сердце пропустило удар: внизу стоял беловолосый юноша, точь-в-точь похожий на Харе.

Из закрытых глаз парня непрерывно струилась кровь. Что, чёрт возьми, здесь стряслось?! На лицах прибывших отразилась ярость вперемешку с глухим отчаянием.

У водонапорной башни, едва раздалось знакомые голоса, черноволосый юноша, только что источавший ярость, вдруг притих. Он поднял залитое кровью лицо, силясь разглядеть сквозь застилавшую глаза тьму мерцающий силуэт.

Уклониться от столь сокрушительного удара троим было невозможно. Да и Харе не собирался отпускать своих врагов: он намертво вцепился в обоих, встречая сокрушительную технику грудью. В этот краткий миг в его сознании всплыли старые видеозаписи, которые когда-то оставил Сатору. Те редкие дни, когда они были вместе... Тот ласковый, терпеливый голос, учивший его говорить.

В груди защемило от горькой тоски. Сатору ведь так и не услышал от него самого главного слова.

— Па... па Годжо... — сорвалось с его губ.

Слова потонули в оглушительном грохоте. За мгновение до взрыва распахнувшийся пространственный разлом поглотил троих и тут же захлопнулся. Водонапорная башня рухнула, оставив на своём месте глубокий дымящийся кратер.

В воздух взметнулись тучи сухой листвы и пыли. Когда завеса осела, внизу не осталось ни души.

Сатору и Сугуру парили над руинами на спине Радужного дракона, растерянно глядя на обломки.

— Что за чертовщина?.. — пробормотал Годжо.

Беловолосый маг нахмурился, вглядываясь в остаточные колебания проклятой энергии. Интуиция подсказывала, что здесь только что произошло нечто важное, но память упорно молчала. Более того, он не мог вспомнить, зачем они с Сугуру вообще сюда прилетели.

— Какая-то миссия? Или нас поймали в чужую технику? Слушай, Сугуру, бред какой-то... Мне показалось, меня кто-то звал. Так неразборчиво. Чёрт, у меня что, мозги потекли? Ха-ха... Да ну, глупости, я же великий и непобедимый господин Годжо...

Он взъерошил свои мягкие белоснежные волосы и обернулся к другу. Его лицо мгновенно застыло в нелепой, удивлённой гримасе.

Сугуру почувствовал, как его душу затапливает необъяснимая, разрывающая изнутри тоска.

— Сатору, ты чего? Чего вытарашился? — недоуменно спросил он.

Сатору медленно прикрыл рот. Подавленный внезапной тишиной, он придвинулся ближе и осторожно коснулся пальцами уголка глаза друга.

— Сугуру... ты плачешь.

— Что? — Сугуру растерянно моргнул, словно не понимая значения слов. Лишь спустя пару секунд он поднял руку к лицу.

Пальцы мгновенно промокли.

— Странно... Что это со мной?.. — просипел он, опуская голову.

Слёзы катились по щекам, и чем сильнее он пытался их стереть, тем быстрее они текли, застилая взор.

Сатору никогда не видел его таким. Растерявшись, он схватил Сугуру за плечи, а затем, бережно обхватив его лицо ладонями, принялся вытирать слезы рукавом своей рубашки.

— Ну же, Сугуру, не надо... Мне самому паршиво на тебя смотреть. Обещаю, я больше не буду тебя злить. И в играх буду поддаваться. И даже клянусь не рисовать члены в твоих учебниках...

— Заткнись, придурок... — выдохнул Сугуру.

Ему просто было невыносимо больно. Но почему?

Закрыв глаза, он позволил слезам течь ручьём. Радужный дракон взмахнул крыльями и унёс

двоих юношей прочь.

Оказавшись в пространственном коридоре, беловолосый Харе крепко сжимал Кэндзяку. Его проклятая техника ещё могла пригодиться, поэтому он утащил его за собой в следующий мир.

Однако другой Харе, затянутый в бездну вместе с ними, бесследно исчез в разломе.

Вокруг царил мрак. Густая, непроглядная тьма, сквозь которую не мог пробиться ни единый луч света.

«И пускай...»

«Зато больше не придётся видеть то, чего видеть не хочется».

Харе приоткрыл глаза. Вглядываясь в бездонную черноту перед собой, он криво усмехнулся.

«Похоже, я опять всё испортил».

«Ничего не исправил в том мире. Не уберёг родителей. Только заставил их сорваться сюда и увидеть, насколько я жалок».

«Хотя... хорошо, что я ушёл. Они ничего не вспомнят. А раз не вспомнят — значит, не будут страдать».

Выванное глазное яблоко, которое он сжимал в кулаке, осыпалось прахом, подобно плоти поверженного проклятия. Лютая боль утихла, оставив лишь странный, едва уловимый зуд вокруг глазниц. Будто на веки опустилось что-то невесомое.

Харе попытался сфокусировать зрение. Кровь больше не текла, но этот щекочущий зуд напоминал прикосновения тонких лапок каких-то насекомых. Сбитый с толку, он моргнул — и взмах ресниц мгновенно спугнул крошечных существ.

До слуха донеслось едва различимое шуршание крыльев. Стоило им взлететь, как глазницы вновь пронзила ноющая боль. Но вскоре существа вернулись, усеивая раны невесомым покровом, и мука тут же отступила.

«Что это? Они утоляют мою боль?»

Прикрыв веки, Харе хотел потянуться к лицу, но конечности налились свинцом — сил не

осталось даже на то, чтобы пошевелить пальцем.

«Да и плевать... Какая теперь разница».

Он лежал неподвижно. Под спиной ощущалась сырость — где-то совсем рядом журчала вода. Значит, в свой изначальный мир он так и не вернулся. Где же он тогда очутился?

Мысли путались от изнеможения. Он то гадал, куда забросило его двойника, то представлял, чем сейчас заняты отец и мама. От этих дум на душе становилось совсем серо, и в конце концов он провалился в тяжёлое забытие.

Сквозь зыбкую пелену сна до него донёлся далёкий, глухой голос:

— Эй, паршивец, подъём.

«Это мне?»

Харе сжался в комок, лежа на водной глади, и недоуменно поморщился.

— Очнись, тебе нельзя спать, — низкий, бархатистый голос прозвучал настойчивее. После короткой паузы он позвал по имени: — Харе.

«Значит, всё-таки мне...»

Услышав своё имя, он окончательно вынырнул из сонной одури и открыл глаза.

Но вокруг вновь воцарилась тишина. Разум балансировал на грани бреда и яви, голова раскалывалась от тупой боли. К счастью, проклятая энергия понемногу восстанавливалась. Собрав остатки сил, Харе сумел сесть.

Он замер, прислушиваясь, но таинственный собеседник молчал. Оглядевшись по сторонам, юноша заметил, что нынешний мрак отличался от прежней пустоты.

Из его собственного тела, словно потревоженные светляки, вырывались крошечные искры. Следом из темноты соткалась багровая цепь. Она мягко натянулась, увлекая его за собой — будто чья-то невидимая крепкая ладонь бережно потянула его за запястье, заставляя подняться.

Стоя по щиколотку в воде, Харе взглянул на свои ладони. Их очертания тускло светились, а вокруг костей запястья плотными кольцами вилась цепь. Мерцающие искры продолжали кружить вокруг него, тая в отдалении. Однако часть из них устремилась к противоположному

концу цепи, свиваясь в колоссальный, до боли знакомый силуэт.

Четыре руки, две пары глаз, исполинский рост. Облик проклятия дышал ледяным величием, но в полуприкрытых глазах, смотревших на него сверху вниз, сквозила странная, нетипичная грусть.

— Сукуна?..

Лишь теперь, завидев его, Харе окончательно поверил, что очнулся. Плечи, судорожно сжатые до этого момента, наконец расслабились.

Сукуна не сводил с него глаз. Услышав своё имя, Король проклятий едва заметно усмехнулся — привычно, свысока:

— Надо же, узнал. Значит, котелок у тебя ещё варит.

Обычно после таких слов Харе мгновенно взрывался, как дикий котёнок, шипел и рвался в драку, грозясь призвать его на бой. Но сейчас юноша стоял неподвижно, уставившись в пустоту.

— Цыц, — недоуменно цыкнул призрак Короля проклятий.

Этот пустой, безразличный взгляд побитой куклы дико его раздражал.

А ещё больше бесило то, что мальчишка докатился до такого состояния, пока сам Сукуна был заперт проклятой Завесой. Он ведь мог пробить этот барьер ещё в самом начале. Но тогда, уязвлённый тем, что упрямый малец не пожелал выпустить его наружу, Сукуна решил проучить его, заставить взмолиться о помощи. Он просто наблюдал со стороны. А когда понял, что дело принимает скверный оборот, вмешиваться было уже поздно...

Какая же мерзость.

Скрестив руки на груди, Сукуна недолго молчал, а затем — впервые в жизни — тяжело вздохнул и развернулся вполоборота:

— Пошли.

Харе вскинул голову. Не открывая глаз, он повернулся туда, куда указывал демон. В самом конце беспросветного прохода высился силуэт засохшего дерева, чьи ветви едва заметно фосфоресцировали во тьме.

Должно быть, это и были врата в иной мир. Но Харе не сделал ни шагу. В его душе зародилось сомнение, быстро переросшее в липкий, первобытный страх.

«А если... если и там меня ждёт крах? Если я опять ничего не смогу изменить и мне вновь придётся смотреть, как рушится всё вокруг?»

«Может, лучше остаться здесь? Навсегда».

«Всё равно мне нигде нет места».

В своём мире он был изгоем. Ошибкой. Осколком чужой трагедии, рождённым в слезах разлуки. Ненужным, забытым всеми монстром, которого держали взаперти, подальше от людских глаз. Сиротой без рода и племени.

Ему было чертовски, невыносимо одиноко.

Пальцы Харе судорожно вцепились в ткань штанин. Глядя на мёртвое дерево, он едва заметно покачал головой и сделал шаг назад, пытаясь скрыться в спасительной мгле. Тонкая красная цепь на его запястье натянулась и звеняще лопнула.

Опустив взгляд, он увидел, что багровое свечение угасает. Но ещё быстрее бледнели его собственные руки. Искры срывались с кожи всё реже — он буквально растворялся в воздухе.

Харе оцепенел, осознав происходящее. Он находился в Расщелине времени, где законы бытия не властны. Оставшись здесь, он превратится в безликую каплю бурного временного потока, исчезнет из всех миров сразу, канет в вечное небытие.

— Что, сдался? — подал голос Сукуна, пристально следивший за каждым его движением.

Харе промолчал, продолжая рассматривать свои тающие ладони.

«Сдался?.. Я?»

Зная, что ответа не будет, Сукуна развернулся к нему всем корпусом. На его лице проступила хищная, издевательская усмешка:

— Слышь, малец, и это всё, на что тебя хватило?

— Хули ты скорчил эту жалкую рожу, будто подыхающий пёс, который умоляет, чтобы его погладили? Одиноко тебе? Не смей меня! В этой дыре ты не получишь ни хера. Хочешь чего-то — иди и возьми сам.

— Ты ведь орал, что прикончишь меня?

— Я ждать не нанимался.

— Нужна моя голова — зубами вырви! Живее двигай задницей!

Остатки цепи растаяли без следа. До слуха Харе донеслись удаляющиеся шаги по воде — всё тише и тише. Сукуна ушёл. Юноша не поднимал головы, но почувствовал, как тьма вокруг сгустилась, поглотив последнее багровое свечение.

Вновь воцарилось безмолвие. Спустя вечность тишину нарушил тихий всплеск. Застывший во мраке юноша наконец сдвинулся с места и медленно, преодолевая слабость, побрёл к усохшему дереву.

Каждый шаг давался с колоссальным трудом. Подойдя к дереву, он наклонился, зачерпнул ладонями чистую воду и бережно омыл сухую кору.

Мёртвые ветви вздрогнули, зашевелились, и на них одна за другой начали распускаться белоснежные чашечки цветов. Мгновение — и всё дерево покрылось пышным цветом. Одна из тяжёлых, согнувшихся ветвей мягко коснулась его лба.

В памяти вспыхнуло далёкое, почти забытое воспоминание из раннего детства: чья-то большая, тёплая ладонь гладит его по голове, а ласковый голос произносит:

«Тебя зовут Харе».

«Харе... Ясный, солнечный день».

Белые лепестки застилали взор. Вспыхнул ослепительный свет, стирая образ дерева, и вместо зыбкой воды ступни Харе ощутили твёрдую, колкую гальку.

Он почувствовал дуновение ветра, прикосновение горячих солнечных лучей к коже и резкую, голодную судорогу в желудке. До ушей донёсся многоголосый шум: стрёкот цикад, журчание горного ручья и приглушённые человеческие голоса.

— Сюда, ребята! Донесли, что в этих краях объявился проклятый дух особого ранга. Это он?

— Не знаю, держите ухо востро!

— Старший, может, стоит доложить отряду Солнца, Луны и Звёзд? Если это и впрямь особый ранг, нам в одиночку не сдюжить...

— Идиот! Он же едва дышит от ран! Если мы сами прикончим тварь, то сможем без всяких посредников предложить свои услуги северной ветви клана Фудзивара!

«О чём это они?»

Харе повернулся на голоса. Сквозь плотно сомкнутые веки он различал силуэты людей, источавших слабое сияние. Все они сжимали в руках оружие, направленное в его сторону.

«Особый ранг... Это они обо мне?»

«И всё-таки... где я?»

<http://bllate.org/book/19043/2005244>